

Эльбрусская Сапфо

С Танзилай Зумакуловой я познакомился на Пушкинском празднике поэзии на родине великого поэта.

К поэтическим размышлениям располагало уже само место, поэтические настроения и окрыляли чудесные весенние дни, поэтически заставляла биться мое сердце удивительная женщина, имя которой Танзиля. Это имя осталось в моем сердце и в моей памяти, в лирической книге и во сне, так я ее здесь и буду называть — Танзиля для меня звучит, словно рифма. Бродил я по дорогам и тропам, которых когда-то касалась нога гения, и повторял:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Декламация этих пушкинских строк была посвящена ей, Танзиле. Все кругом дышало поэзией. Мы были все время вместе, обменивались мыслями о поэзии, а мой интуитивный слух все время ловил пульс ее поэтического слова. Мы только что познакомились, и мне хотелось установить или, словно медику, диагностировать пульсацию ее поэтического таланта. Кроме всего этого, яркие, искрящиеся, словно звезды в горах, ее глаза жгли мою душу и пробуждали в ней поэзию. Настоящая поэзия всегда проходит через сердце — поэзия просверливает сердце, как стрела. Иногда как стрела горского охотника, иногда как стрела крылатого амура. Но поэзия всегда должна сотрясти души. Такое уж призвание настоящей поэзии. Такое сотрясение тогда почувствовал и я. Я понял, что судьба свела меня с настоящим поэтом — с многострадавшим и очистившим свою душу до кристального блеска поэтом. Общались наши сердца. Общались поэтически. И поэтому я до сих пор не могу забыть то мгновение, которое гениальный

поэт назвал «чудным мгновением».

Великий Пушкин нас и свел. И с того «чудного мгновенья» я и стал постоянным читателем и ценителем поэзии дорогой мне Танзили.

Когда я читаю ее горным солнцем пронизанные стихи, я вижу перед глазами не отдельные слова, не строфы, не отдельные стихи, — я слышу ее голос, который слышал тогда на Пушкинском празднике поэзии и который звучит во мне до сих пор. На Пушкинском празднике приняли участие многие поэты, голоса звучали самые разные, а в моей памяти остался один — голос дорогой Танзили. Когда Танзиля читала с трибуны свои стихи, мне тембр ее голоса и манера чтения напомнили голос прекрасной литовской поэтессы Саломеи Нерис.

Выдающаяся литовская поэтесса Саломея Нерис была моей учительницей в гимназии и учительницей в поэзии. Мне выпало счастье часто с нею общаться, часто слушать ее чтение, часто слушать ее лирический голос!

Она писала мужественные стихи, но читала их нежным, мягким женским голосом. Она плакала стихами. Она не читала — она пела свои стихи серебряным голосом весеннего соловья. Поэтому литовский народ и назвал свою глубоко национальную поэтессу соловьем. Этот контраст между мужественными интонациями содержания стихов и интонациями чтения, когда их читала сама поэтесса, создавал какое-то особое настроение. Такого теперь больше нет. Это было неповторимое, уникальное явление — какой-то настоящий подарок самой природы. Такое настроение тогда во мне создавало и чтение Танзили. Это тоже дар самой природы. Я внимательно слушал нежным

женским голосом читаемые ее мужественные стихи, и мне казалось, что я слушаю знакомое мне чтение Саломеи Нерис.

Танзиля воскресила в моей памяти дорогой мне образ моей учительницы. И поэтому она стала мне еще дороже.

И теперь, когда я читаю в периодической печати стихи Танзили или прекрасные ее книги, я просто люблю ее лирическим голосом — голосом ее лирического героя, реальной жизненной тематикой ее стихов, теплом ее женского и материнского сердца. Танзиля не пишет — она поет. Она не пишет — из ее щедрого сердца чистым горным ключом поэзия бьет сама. О чем бы она ни писала — о своей матери, о своей горской родине, о ее трудолюбивых людях, о прекрасной природе, о земле, об истории и сегодняшнем дне, о прекрасном, об искусстве, наконец, о самой себе — и о горестных, драматических, сложных и о счастливых своих переживаниях, — все это глубоко меня волнует. Ибо это не только слова, не только строфы, не только стихи — это молекулы ее сердца и атомы ее души. А это и есть свойство большого, врожденного, неповторимого таланта.

Я не разделяю поэзию на мужскую и женскую. Многие поэтессы писали и пишут мужественную поэзию, многие поэты пишут слабодушные и серые стихи. Поэзия прежде всего — поэзия. И не имеет никакого значения, кто ее пишет. Главное — чтобы творил тот, кто родился поэтом. Разве не мужественно звучит голос Танзили, когда она говорит:

Родина! С тобою радостью делюсь.

А коснется сердца
огоорчене, грусть.

Я в твои объятья кинусь,
как дитя,
Буду твой камни, плача,
обнимать.
Быть с тобою — счастье,
даже и грусть...
Ты — незаменима, как
ребенку мать!

Святые слова клятвы! Их можно вырубить на камне Эльбруса, который она крепко, как и все ее соотечественники, обняла руками и больше никому не отдаст и не оставит.

И все же звучание стало отличается от звучания серебра. Лирика Танзили серебряная — словно серебряные вершины ее родных гор, над которыми витает благодородный дух. В серебряном ее голосе много женского тепла, доброты, нежности. Танзиля, кроме всего сказанного, очень человеческий поэт. Вся ее поэзия дышит большой любовью к человеку. А это меня, автора человеческой темы, особенно волнует. Она любит каждого человека — и очень близкого, и очень далекого, — неважно, на каких меридианах он живет, чем занят, каким говорит языком. Нашел я в ее последней книге стихи, посвященные и людям моей янтарной Прибалтики, за которые я бесконечно ей благодарен. Так поэзия помогает связывать крепкими узами дружбы целые народы и стидельных людей разных национальностей. Это благородная гуманистическая миссия поэзии. Не останусь ей в этом в долгу. Давно ношу в своем сердце, словно рифму, красивое ее имя Танзиля — оно звучит, как музыка, и в день ее рождения ложится в новое, ей посвященное стихотворение. В интимное и очень дружеское стихотворение, в котором я желаю смелого и далекого поэтического полета нашей эльбрусской Сапфо, Танзиле Зумакуловой.

Эдуардас МЕЖЕЛАИТИС

Каб.-Балк. правды, 1984, Релиз, №174